

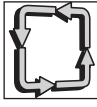

Когнитивные границы социологических методов в социальной эпистемологии

Н. М. СМЕРНОВА

Поставленные Е. А. Мамчур вопросы служат не только прагматическому разграничению «сфер влияния» двух важнейших разделов социального познания – когнитивной социологии и социальной эпистемологии, но и по-новому ставят важнейшие теоретические проблемы общей теории познания. Их постановка привлекает внимание к проблеме условий возможности и когнитивных пределов «перекрестного» взаимодействия методов философии и когнитивных наук в структурах междисциплинарного синтеза. Именно этой стороне дела я и хотела бы уделить внимание.

Утверждение Е. А. Мамчур о том, что социальная эпистемология начинается там, где социологические методы применяют к традиционной эпистемологической проблематике (руководствуясь когнитивной презумпцией социальной детерминации познания), основано на неявном методологическом допущении, что предмет той или иной области знания конституирован не только исследовательским интересом ученого (структурой релевантностей научной установки), но и наличными методологическими средствами. Не соглашаясь с ее определением предмета социальной эпистемологии («социальная эпистемология – это направление, исходящее из того, что традиционные проблемы эпистемологии должны решаться социологическими методами и средствами»), я разделяю собственно методологическое содержание этого утверждения, а именно, положение о том, что структура предмета конституирована, по крайней мере отчасти, схемами метода, находящимися в распоряжении исследователя той или иной области знания. *Метод конститутивен в отношении предмета* – это

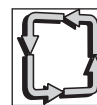

методологическое прозрение неокантианства недооценено и по сей день. Действительность предстает перед нами в образе природы, если мы используем для ее изучения обобщающий (номотетический) метод, она же становится историей, если мы используем индивидуализирующий (идиографический) метод, полагал Г. Риккерт.

Уяснение методологических следствий этого положения важно и для уточнения когнитивных границ самой социологии. Так, многих исследователей творчества М. Вебера удивляло исключение им из предмета его понимающей социологии ценностно-рациональных, традиционных и аффективных действий, а также действий, непосредственно не ориентированных на другого (физические упражнения, сочинение стихов, молитва и т.п.), составляющих огромный массив социальных действий, тогда как целерациональные действия – предмет понимающей социологии – составляют лишь их небольшую часть. Методологическая констатация обусловленности предмета схемами метода позволяет понять, что сведение предмета понимающей социологии исключительно к целерациональным действиям обусловлено тем, что на основе наличных социологических средств Вебер сумел развить методологию теоретической реконструкции субъективного смысла лишь тех действий, цель которых достигается минимальными средствами. Исследование же субъективной мотивации ценностно-рациональных действий требовало обращения к неприемлемым для него эмпатическим (для приверженца кантианских традиций – иррациональным) методам «вчувствования» и «вживания».

На замечание же Е. А. Мамчур о том, что «социальные эпистемологи еще размышляют над тем, чем должна заниматься социальная эпистемология», можно ответить, что исторически ни одна дисциплина не начинается с огораживания своей территории раз и навсегда заданными границами, поначалу довольствуясь расплывчатым и неотчетливым представлением о своем предмете. Его когнитивные границы постоянно корректируются под воздействием уточнения основных понятий, содержание которых обусловлено контекстом дискуссий в научном сообществе (открытая теория референции), а также результатов, полученных на основе развивающихся методов исследования.

В свете методологической констатации обусловленности предметной области дисциплины наличными методами исследования утверждение Е. А. Мамчур, что «социальная эпистемология – это направление, исходящее из того, что традиционные проблемы эпистемологии должны решаться социологическими методами и средствами», в сильном варианте означает фактическое отрицание собственного предмета социальной эпистемологии. В более приемлемом ослабленном варианте использование социологических (и других когнитивных наук) методов для решения проблем социальной эпистемологии свидетельствует либо о расширении ее предметной

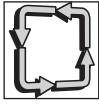
сферы, например включении в нее новых предметных образований (контекст, дискурс, коммуникация, миграция смыслов и т.п.), либо о «перекрестном» взаимодействии методов в рамках междисциплинарного взаимодействия.

Так, по мнению Е. А. Мамчур, включение И. Т. Касавиным в сферу анализа социальной эпистемологии языка не только вопросов о его происхождении и сущности, но и проблем генезиса, трансляции и рецепции смыслов в коммуникативном пространстве¹ свидетельствует о том, что автор покидает предметную область собственно эпистемологии и перемещается в сферу социологического анализа языка. Я же вижу в этом свидетельство расширения предметной области социальной эпистемологии под воздействием рецепции методологических средств не только социологии, но и (главным образом) структурной, исторической и психолингвистики (концепции порождающих грамматик, теории речевых актов и т.п.). Наши отечественные философы также работают на расширение предметной области социальной эпистемологии языка, включая в нее философские аспекты интерпретации текстов (Л. А. Микешина), вопросы социального распределения языка (Н. Н. Козлова), философские проблемы перевода (Н. С. Автономова).

К сожалению, использование в теории познания понятийных ресурсов когнитивных наук далеко не всегда сопровождается анализом их смысловых сдвигов в собственно философских контекстах. В рамках данной дискуссии также необходимо уточнить, о каких, собственно, социологических методах идет речь? Едва ли о методах так называемой эмпирической социологии с ее анкетами, шкалами и статистикой, хотя бытующее в социологии определение науки как повседневности ученого и не исключает их использования для анализа работы исследовательских коллективов (в том числе и занятых социальной эпистемологией). Полагаю, что речь идет все же о концепциях теоретической социологии XX в., на отечественной почве нередко отождествляемой с социальной философией. Но каких именно? «Системосозидающих», занятых изучением метафизически небеспредпосылочных объектов «общество», «социальный организм», «система» и т.п., или же неклассических, апеллирующих к смыслам человеческих действий (понимающая социология, символический интеракционизм, социальная феноменология)? Последние и в самом деле имеют предметное пересечение с социальной эпистемологией: их общая предметная составляющая – *смысл*. Поясню.

В отличие от общей эпистемологии, предмет которой (в десакрализованной картине мира Нового времени) по большей части лишен

¹ Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008.

имманентного смысла, в социальной эпистемологии смысл неотделим от ее предмета и выражает его главную особенность. Мир социальной эпистемологии – это «мир, светящийся смыслом». Но она практикует иные подходы к изучению смысла, чем названные выше социологические теории. Если феноменологическая социология, например, изучает социальные аспекты процессов седиментации (т.е. отложения в опыте индивида или культурного сообщества) значений, на основе которых кристаллизуется смысловая структура жизненного мира, то одной из задач социальной эпистемологии является исследование процессов формирования научных понятий из жизненных основ социального опыта. Ибо сегодня мы хорошо понимаем, что знание – не слепок с объекта, а культурно-опосредованные когнитивные паттерны, в которых запечатлены как способы операций с объектами, так и ценностно-смысловые установки научного сообщества. Подобные социально-эпистемологические исследования служат восстановлению связи науки с жизненным миром человека, в утрате которой Э. Гуссерль усматривал истоки глубокого кризиса европейских наук и европейского человечества вообще. Именно такой социально-эпистемологический анализ жизнемировых корней квантовой механики, на мой взгляд, и пытался осуществить П. Форман в упомянутой Е. А. Мамчур работе «Веймарская культура, причинность и квантовая механика», связав вероятностный характер квантово-механических закономерностей («Бог играет в кости») с умонастроением немецких интеллектуалов после поражения в Первой мировой войне.

Однако, как ни велико значение подобных исследований, расширяющих наши представления о жизнемировых корнях научных и философских понятий, они остаются в рамках «контекстов обоснования», а не «контекстов открытия». Как справедливо замечает в своей реплике И. Т. Касавин, «сколь глубоко ни погружается философ в анализ научного (и всякого другого) знания, ему не найти в нем ни демокритовых “атомов и пустоты”, ни материи Платона и Аристотеля, ни картезианской протяженности, ни кантовской “вещи-в-себе”, поскольку это абстракции высокого порядка, не данные нашей чувственности». Добавим, что они «не даны» и когнитивным наукам, включая когнитивную социологию. Их когнитивно-научная «избыточность» и философская эмерджентность – зримое свидетельство того, что социологических (и иных когнитивно-научных) методов для анализа смыслового содержания культурных артефактов человеческой деятельности недостаточно. Эта задача была и остается прерогативой социальной эпистемологии.